

Гу Тин подумал, что ему чертовски повезло — поссорился с Гу Цинчаном и, уходя, догадался забрать эту вещицу. У покойного князя и семьи Гу было некое неофициальное соглашение, и эта подвеска служила тому подтверждением. Использовать он её не собирался, приехал в Цзююань лишь чтобы загладить вину прошлой жизни и помочь Хо Яню — не из-за каких-то чувств и уж точно не для того, чтобы кто-то об этом прознал.

И вот всё равно пригодилась.

Гу Тин слегка поджал губы:

— Я её не крал и не отбирал. Путь её ко мне чист. Теперь она моя. Вы понимаете?

Ся Саньму быстро сориентировался, и лицо его озарила радостная улыбка:

— Ах-ах, да как же мы так просмотрели... Выходит, сами не распознали своего!

Фань Дачуань не понял:

— Что значит?

Ся Саньму шлёпнул его по затылку и быстро прошипел:

— Если старший в роду вручает важную семейную вещь отпрыску другого рода — что это означает?

Фань Дачуань потирал затылок:

— Что означает?

Тут уж даже Ся Саньму не понадобился. Охранники обернулись и уставились на него:

— Да что ещё, кроме помолвки!

Гу Тин убрал подвеску:

— Не стоит преувеличивать. Всего лишь слова, сказанные старшими в хмельном угаре, да вещь на память. Ни свидетелей, ни обручения, ни брачного контракта. Врать не стану. Я лишь спрашиваю Армию Стражей Севера: признаёте вы эту вещь или нет? Если нет — я сию же минуту уйду. И пойду рассказывать повсюду, как Хо Янь, неблагодарный отщепенец, забывший отцовские заветы, отрёкся от слова родителя!

— Признаём, конечно признаём!

— Обязательно признаём!

— Кто посмеет не признать вещь покойного князя!

Солдаты наперебой закричали. Ся Саньму же с улыбкой добавил:

— Господин Гу, не гневайтесь, мы же не со зла! А вы что же сразу не сказали? Мы-то думали, вы... тьфу, вышло, что мы вас обидели!

— Незачем, — холодно усмехнулся Гу Тин. — Я и не собирался делать из этого повод для брака. Можете спать спокойно — ваш князь останется чист и непорочен. Я и пылинки на него не дую!

Ся Саньму аж вздрогнул:

— Да что вы, господин Гу, такое говорите! Вы — человек редкий, такого больше не найти, на вас одним взглядом полюбоваться — уже счастье! Наш князь просто болен, ум за разум зашёл, не обращайтесь вы на него внимания! Он в покоях, делайте с ним что хотите!

Он сам откинул занавеску и впустил Гу Тина внутрь.

Несмотря на всю свою решительность, сам Ся Саньму зайти не посмел, лишь громко крикнул с порога:

— Мы не виноваты! Приказ не нарушали! Господин Гу — не чужой, он ваш жених!

В покоях было тепло, лёгкий занавес колыхался.

Хо Янь лежал с закрытыми глазами, руки слегка сжаты в кулаки.

Гу Тин подошёл, постоял над ним и громко фыркнул:

— Хватит притворяться, знаю, что не спишь.

Хо Янь открыл глаза, повернул голову:

— Я же велел тебе уйти. Почему не ушёл?

Он всё слышал. Взгляд его, устремлённый на Гу Тина, был невероятно сложным.

— А ты мне кто такой, чтобы я тебя слушался? — Гу Тин поджал губы, задрал подбородок, — вид имел самый что ни на есть надменный. Взгляд его скользнул по лицу и рукам Хо Яня — хорошо, он ненадолго отлучался, но никаких перемен не заметил.

Хо Янь увидел подвеску в руках Гу Тина, и голос его стал тугим, тяжёлым:

— О подвеске... я не ведал.

Гу Тин сунул её обратно в мешочек:

— Ничего. Я и не собирался тебе говорить.

Взгляд Хо Яня стал ещё темнее, глубже, как зимнее море. Говорить стало будто ещё труднее:

— Вероятно, шутка старших... Не стоит принимать всерьёз.

— Не изволь беспокоиться! — Гу Тин сверкнул на него глазами, с трудом сдерживая скрежет зубов. — Боишься, что привяжусь? Можешь быть спокоен на все сто! Как только поправишься — я уйду. Никаких приставаний, никаких цепляний. Клянусь! Если я, Гу Тин, когда-либо стану навязываться Хо Яню, пусть меня поразит молния, растерзают пять коней, постигнут все болезни и смерть без покоя!

И он в самом деле поднял три пальца, отчеканивая слова чётко, ясно, с ненавистью в каждом слове.

Хо Янь вздрогнул, перед глазами потемнело, и он выкашлял кровь.

Гу Тин перепугался не на шутку, схватил платок, стал вытирать, поднёс тёплую воду для полоскания:

— Что это?.. Говорили, простуда... От простуды разве кровью харкают?

Хо Янь схватил его руку — так сильно, что вырваться было невозможно.

— Ты... не смей так говорить.

Гу Тин:

— А?

Хо Янь:

— Возьми слова назад.

Гу Тин:

— Какие слова? Ты кровь харкаешь! Ложись!

Хо Янь не отрывал от него взгляда, упрямый, настойчивый:

— Возьми назад.

— Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Разве можно просто взять и забрать? — Гу Тин спокойно смотрел на него. — Ты сам говорил — убить тебя не так-то просто. Не веришь — выживи и смотри, сдержу ли слово.

— Ты...

— Выгнать меня хочешь? Ну так вставай и вышвырни меня за ворота Армии Стражей Севера собственными руками! — Гу Тин прищурился. — Я же предупреждал — я, Гу Тин, толстокожий. Ругай сколько влезет — я с места не сдвинусь!

Хо Янь больше не ответил. Ответить он и не мог — силы оставили его.

За всю жизнь он не встречал никого, подобного Гу Тину — дерзкого, своевольного, упрямого, изнеженного и непослушного. Глаза того горели, словно летнее солнце, способное растопить любой лёд...

На сердце было и больно, и сладко.

Следующие дни Гу Тин не отходил от Хо Яня ни на шаг — разве что по нужде. Уставал — прикорнёт у кровати. Постепенно Хо Янь привык. В часы, когда не спал, взгляд его искал Гу Тина. Если того не было в покоях, он ледяными глазами впивался в стоящего на страже, пока тот не докладывал, куда вышел господин Гу. А едва Гу Тин возвращался — холодность таяла, будто наступала весна.

Во время болезни князя пищу и питьё готовили особые люди, меню выверяли до мелочей, лекари дежурили неотлучно, снабдьё подбирали тщательнейшим образом. Все старались, никто не ленился. Но болезнь Хо Яня не отступала, час от часу лишь хуже. Язвы на коже расплзались на глазах.

Гу Тин не понимал, отчего на душе так тяжко. И поговорить было не с кем.

Под вечер, когда Хо Янь наконец заснул, Гу Тин вышел подышать, привести мысли в порядок. Ноги сами понесли его к тому месту — невысокому холму, где когда-то устроили засаду на Ю Дачуня и где он встретил рысёнка.

Ветер был ледяной, нос краснел насквозь. Ночь — глухая, кроме завываний ветра ни звука.

— Мяу...

Рысёнок оказался там. И снова мяукал ему.

Гу Тин замер, а на сердце стало кисло:

— Прости, я опять забыл тебе еды принести.

Он пошарил в карманах — те же сухари да вяленое мясо, что и в прошлый раз. Не он готовил — наверное, У Фэн, видя, как он выматывается, подсунул на всякий случай.

Положил угощение на землю. Зверёк с радостным «мяу!» бросился к еде — всё так же жадно, всё так же не давая притронуться. Лопал, забавно мотая круглой головой, с таким усердием, будто в этом был смысл жизни.

Гу Тин присел перед ним на корточки, вздохнул:

— Вот если бы он был таким же бодрым, как ты... Есть надо как следует, иначе откуда силам взяться?

— Тебя не погладишь, он не слушается... Что за упрямцы вы оба?

— Предупреждаю в последний раз — если снова не дашь себя погладить, в следующий раз ничего не принесу.

— Как думаешь, он так сильно заболел... из-за меня? Не приди я сюда — ничего бы не было?

Голос его, как и сам он, растворялся в беспросветной ночи — одинокий, потерянный.

Тысячи дорог в мире, а перед ним — ни просвета, ни пути.

Но как бы ни было тяжело, он не сдавался. Продолжал ухаживать за Хо Янем. И каждую ночь, когда тот погружался в сон, приходил сюда покормить рысёнка. Уже не случайными объедками, а специально приготовленной едой — не холодной, не обжигающей, тёплой, самой что ни на есть подходящей.

В беспросветной ночи его силуэт по-прежнему был одинок. Но он цеплялся изо всех сил, пытаясь создать хоть какую-то связь с этим миром — словно надеясь, что небеса смилостивятся и оставят ему кого-то.

Ночь тянулась долго. Сон Гу Тина был тревожным, ему снились звон мечей, лязг железа, крики... Нет, это не сон!